

Евгений Третьяков-
Беловодский
Сорок дней

Публицистика

Евгений Третьяков-Беловодский
Сорок дней. Публицистика

«Издательские решения»

Третьяков-Беловодский Е. Ю.

Сорок дней. Публицистика / Е. Ю. Третьяков-Беловодский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838368-7

Жизненные наблюдения, философские раздумья, воспоминания о военной службе. Живое интересное и динамичное повествование не заставит читателя скучать.

ISBN 978-5-44-838368-7

© Третьяков-Беловодский Е. Ю.
© Издательские решения

Сорок дней Публицистика

Евгений Юрьевич Третьяков-Беловодский

© Евгений Юрьевич Третьяков-Беловодский, 2017

ISBN 978-5-4483-8368-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сорок дней

(фантастическая история, о вероятности которой думает каждый)

Сначала была ослепительно-белая вспышка, затем на короткое время я оказался в молочном тумане. Он вскоре рассеялся, и я увидел себя со стороны, лежащим на больничной кровати. Вокруг суетились медики.

Один из них устало махнул рукой, присел на стул и сказал: «Мы его потеряли». После этих слов остальные двое перестали бегать по палате. Медсестра неторопливо собрала шприцы и ампулы, сняла с моей руки резиновый жгут, положила все это в небольшой медицинский саквояжик и вышла. Другой врач выкатил вслед за ней аппарат искусственного дыхания, и, наконец, последний из тройки, тот, что присел на стул, небрежно накинул на мое лицо простыню, встал и отправился за коллегами. Тут до меня дошло, что я умер...

Я осознал это сразу, без всяких сомнений, как будто бы давно знал, что именно так «чувствуют» себя люди, отошедшие в мир иной. Странное состояние – находиться вне оболочки своего тела. Стало быть, не солгал мне священник...

Однажды тоскливым осенним днем, когда весь мир казался не в радость, когда низкие лохматые тучи с утра начали сеять на землю мерзкий холодный дождь, я зашел в церковь. Дождавшись конца службы, подошел к батюшке и спросил его, есть ли что-нибудь за порогом смерти. Не знаю, что на меня нашло. Вопрос был глуп и наивен. Да и что бы мне дал ответ? Проверить его можно было только умерев.

Батюшка, привыкший к самым неожиданным посетителям, внимательно посмотрел на меня и убедительно ответил: «Душа продолжает жить, сын мой. И в этом не сомневайся...».

Я помню – внутренне усмехнулся и подумал: «На дурацкий вопрос получил достойный ответ. Что еще может сказать поп».

И вот теперь, когда увидел со стороны свою мертвую плоть, сомневаться было не в чем. Мое «я» парило около пыльной люстры, с интересом прислушиваясь к новым ощущениям.

Мне с детства было страшно смотреть на покойников. И по возможности я избегал встреч с похоронными процессиями. Однако чем старше становился, тем чаще в нашем доме появлялись скорбные крышки гробов у подъездов. Пятиэтажка старела, а вместе с ней старели люди, уходя из жизни один за другим.

Помню, умер наш сосед дядя Валя, и я вошел с матерью в его квартиру, где толпились незнакомые люди. Посреди зала на двух стульях стоял красный гроб, и в нем лежал мой знакомый, одетый в костюм и светлую рубашку.

Мысль о том, что еще три дня назад он был живой и весело хохотал, переговариваясь о чем-то с мужиками у подъезда, не давала мне покоя. Мне казалось, что вот сейчас дядя

Валя встанет со своего необычного ложа, весело подмигнет мне и скажет: «Что, испугался? Здорово я вас всех разыграл?».

Увы, этого не произошло. Когда хоронили соседа, выглядел он совсем страшно. Лицо осунулось и сильно пожелтело, щеки ввалились, а на руки вообще было страшно смотреть. Я испугался и понял, что дядя Валя уже никогда не выйдет из дверей своей квартиры и не потреплет меня по голове.

...Странно, но я не испытывал горечи от собственной смерти. Мне было легко, словно с плеч упал непосильный груз, который всю жизнь таскал на себе. Я попробовал переместиться, и это удалось. Стоило подумать, что хочу перелететь ближе к стене, и тут же оказывался рядом с ней.

Полетав по комнате и привыкнув к своему новому эфирному состоянию, я «просочился» сквозь стену и оказался в соседней палате.

Мужики, а их было четверо, лежали на кроватях, приготовившись к утреннему врачебному обходу, и лениво переговаривались, обсуждая мою смерть.

– И ведь молодой ишо, – вздохнул заросший бородой дедок, – а и его смерть взяла.

– Сердце! – Буркнул его сосед, оторвавшись от зарубежного детектива. – Сорок лет критический возраст.

– Да какой такой критический! – Возмутился дед. – Ему ишо жить да жить, за девками бегать, да детей делать.

– Вот видать, и побегал, – рассмеялся третий собеседник.

– А ты не смейся, – заступился за меня дед. – Грешно это. Сам на больничной кровати лежишь, того и гляди копыта откинешь.

– Типун тебе на язык, дед, – сказал пошутивший надо мной мужчина и рассерженно отвернулся от деда лицом к стене.

– Странно как-то все, – вступил в разговор четвертый больной, лежащий на кровати у самого окна.

– Что странного? – Не понял дедок.

– Живешь, живешь: учишься, мучаешься. Всего-то тебе мало, а конец один. Пытаешься чего-то добиться в жизни, достичь каких-то вершин. А зачем?

Дед задумчиво пожевал губы, а потом сказал:

– Так ведь жизнь – она так устроена. Ты же не животное какое, а человек. Потому и хочется многого.

– Уж лучше быть животным, наслаждаться тем, что имеешь, жить одним днем. Вот скажи, дед, – мужчина сел на кровати, свесив с нее ноги, – есть ли смысл в разуме? Посуди сам – разум велик, он может объять почти всю вселенную. Всю жизнь наш мозг накапливает знания, приобретает опыт. А умирает человек – и все эти знания пропадают ни за понюх табака. Так зачем матушка природа наделила нас мощным мозгом, сознанием собственного «я»? Обидно как-то за нее, за человека. Уж не ошиблась ли она, создав гомо сапиенса?

– Кого? – Переспросил старик.

– Человека разумного, мыслящего.

– Я тебе вот что скажу, – дед тоже сел на кровати, – все от Бога. Как он распорядился, так оно и стало... Сейчас, может, душа нашего умершего соседа нас с тобой слушает и радуется, что освободилась от жизни земной, грешной.

– Не знаю, дед, слабо в это верится, хотя и очень хочется верить в то, о чем ты тут рассказываешь.

Я не стал дальше слушать их философский спор и вылетел в открытую форточку. На улице была весна. Тот самый период, когда все уже проснулось и готово зажечь полной жизнью. Свежие листочки наполнили мир яркой изумрудной зеленью. На земле появился бархатный ковер травы, а небеса горели пронзительной глубокой синью.

Все это я видел, но не чувствовал. Для меня исчезли запахи, хотя я их помнил. Кто знает, может, и их я скоро забуду. Сколько пребывать мне в таком состоянии, что будет потом? Этого я пока не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.